

Знакомьтесь – Анастасия... Да вы уже знакомы с Настей Гостевой! Она написала для нашего проекта книгу «Большой взрыв и черепахи». Теперь Настя написала книгу о доме: как устроен дом вообще, и как живут в своих домах разные люди. Пока Настя писала эту книгу, она жила не у себя дома, потому что в её квартире был ремонт. На несколько месяцев она поселилась в пустой квартире моего сына, и я увидела, как она сама устроила своё временное жилище. Она привезла туда свои любимые книги, любимую музыку, свои цветы и, конечно, любимую кошку. Представьте себе, её жилище оказалось очень похожим на неё саму: яркое, весёлое и доброжелательное.

Каждый человек, даже если он и подчиняется общепринятым правилам, всегда проявляет свой вкус и характер, когда обживает своё пространство, даже если оно очень маленькое. Но при этом очень полезно знать, какие именно правила следует соблюдать, и насколько они различны в разных странах у разных народов, и каковы были древние законы, по которым устраивали свои дома люди в разных странах.

И ещё: есть одно правило, для всех людей обязательное: мы любим свой дом, даже, может быть, считаем его самым лучшим, но должны помнить о том, что чужие правила и порядки обязательно надо уважать. Не зря же у нас есть такая пословица: в чужой монастырь со своим уставом не ходи!

Людмила Улицкая

ОГЛАВЛЕНИЕ

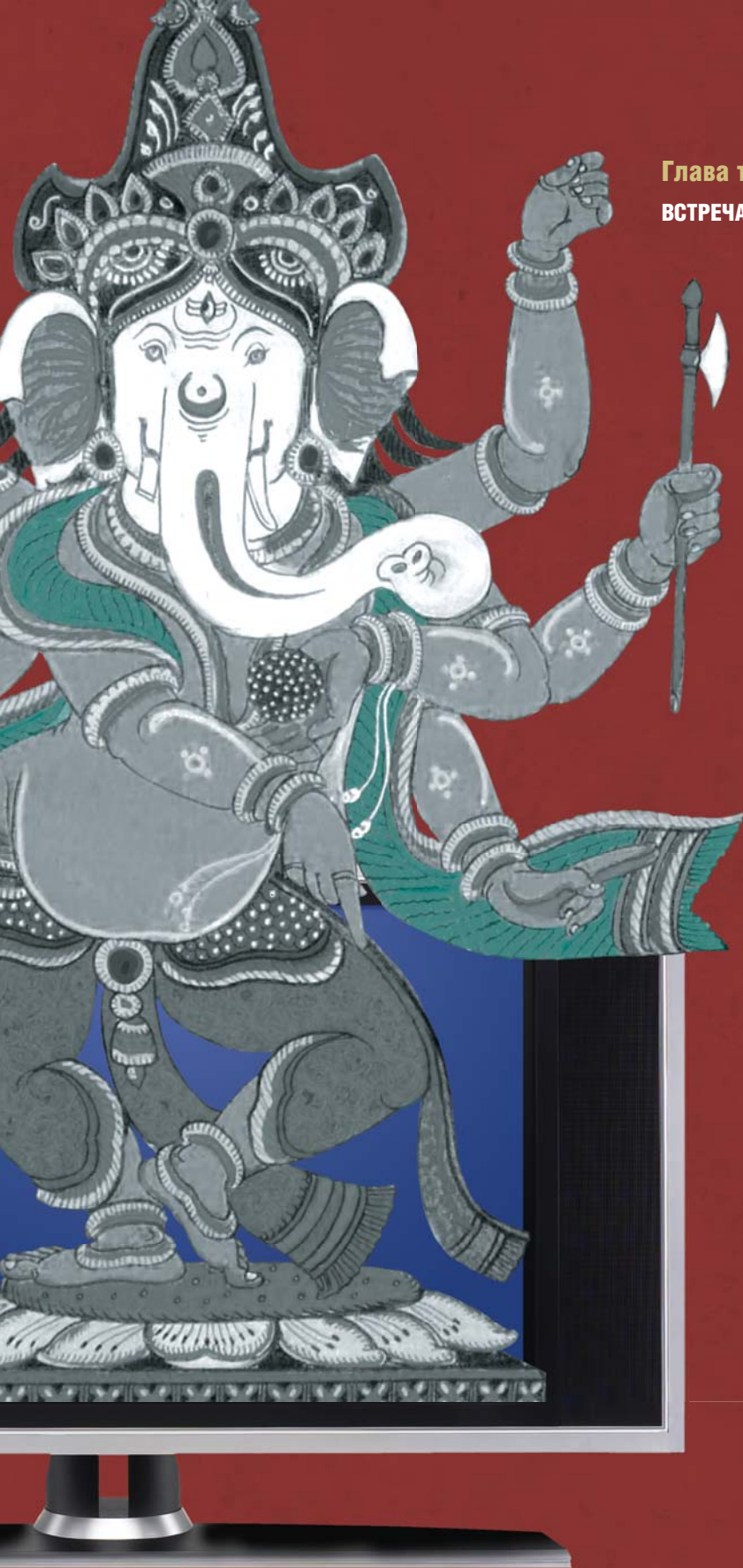
5 Об авторе

9 Пролог

11 Глава первая
САМИ НЕМЕСТНЫЕ

28 Глава вторая
КАМЕНЬ, ДЕРЕВО, БУМАГА

Глава третья
ВСТРЕЧА БЛАГОРОДНЫХ МУЖЕЙ

43

Глава четвёртая
ТУАЛЕТ С ХОРОШИМ ВИДОМ

58

Глава пятая
ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

69

Они уходили. Длинными, молчаливыми вереницами и гомонящими толпами, сквозь сибирскую метель, тропический дождь и мерзкую московскую морось, не оглядываясь на сверкающие парадные со швейцарами в ливреях, на глинобитные хижины с крышами из пальмовых листьев и панельные хрущевки со сломанными домофонами.

Молодая женщина в ярко-алом сари с золотыми нитями в последний раз склонилась над кроватью, в которой спал младенец с густо подведёнными чёрными глазами и чёрным пятнышком на лбу — от дурного глаза. Оглянулась на нишу, где когда-то находился алтарь, — сын старого хозяина, вернувшись в Бомбей из Лондона с молодой женой, переделал всё на западный лад, и на месте статуэток богов теперь обитал новенький серебристый «макинтош». А затем проскользнула через богато обставленную гостиную, вышла на улицу, и её силуэт поглотила чёрная, как баклажан, южная ночь, прошитая иглами тысячи светлячков...

— Пошли уж, бабка, решено — так решено, — вздохнул крепкий бородатый дед — невысокий, в стоптанных кроссовках и мешковатых джинсах, с лицом, словно покрытым короткой белой шерстью. Он наклонился и поднял с пола две плотно набитые клетчатые сумки. Раздался треск, ткань лопнула, и по прихожей покатались напёрстки, мотки шерсти, стеклянные баночки с какими-то травами и специями. Растрёпанная востроносая старушка в длинной мятой юбке и китайском пуховике кинулась с ворчаньем собирать своё добро.

— Ну что я тебе говорил, — осерчал дед. — Вечно от тебя одни беды. И хозяевам, и мне. Куда столько набрала, путь неблизкий.

— Ничего, ужо Самаил недалеко от станции живет, чай не надорвёшься. — Старуха кое-как утрамбовала свои сокровища и торопливо пошептала над прорехой, отчего та немедленно затянулась. — Хозяйка вчера на шопинг в «Мегу» ездила, пряжи накупила. Нитка-то плохая, синтетика мериканская, да когда ещё мы новых хозяев найдём?

И так, бесконечно ворча и переругиваясь, они выдвинулись из дома и сквозь сереющий питерский рассвет побрели к автобусной остановке...

Звёзды висели в высоком морозном небе, искрясь, как сосульки, пока они покидали чумы и яранги, юрты и й́глу, запрягали оленей и собачьи упряжки, седлали низеньких выносливых монгольских лошадей. А на другом конце земли эти же звёзды освещали путь через пустыню до ближайшего оазиса высоким женщинам и мужчинам с кожей как тиковое дерево и с тюками на головах. Словно в причудливом хороводе, мелькали тени и лица в отблесках костров и неоновых вывесок, звенели браслеты, гремела наспех упакованная утварь, а они шли, не оглядываясь, навстречу новому миру, где, быть может, им не найдётся места...

САМИ НЕМЕСТНЫЕ

Кирилл проснулся от пронзительных воплей сестрёнок. Жаркое июльское солнце заливало спальню, высвечивая хаотичное мельтешение пыли в воздухе. Комната выглядела такой привычной и уютной, что странный тревожный сон казался досадным недоразумением, не имеющим никакого отношения к настоящей жизни.

В гостиной Фил, устроившись на диване и усадив Машку и Марфу в специальные креслица, демонстрировал невероятную ловкость рук, тщетно пытаясь накормить близнецов овсянкой. Вчера вечером всем семейством перебрались на дачу, и Марина, мама Кирилла, с утра пораньше умчалась в город на встречу с каким-то швейцарцем, исследователем быта алеутов.

Кирилл быстро пожарил себе глазунью, понаблюдал некоторое время за тем, как близнецы плюются кашей, и убедившись, что Фил не нуждается в его помощи, решил проведать Самаила Георгиевича.

С их зимнего знакомства Кирилл несколько раз гостил у Самаила Георгиевича по два-три дня, а на весенних каникулах даже прожил целую неделю — помогал ухаживать за растениями в оранжерее, изучал обширную коллекцию диковинных предметов со всех концов света и подружился с многочисленными обитателями профессорского дома. Правда, мама по-прежнему отказывалась верить, что Самаил Георгиевич — архангел и планетарный координатор, следящий за тем, чтобы на Земле не нарушилось равновесие между верованиями разных народов. Но, как учёный, она признавала ум и обширные познания соседа.

Дом координатора напоминал азиатский караван-сарай из фильма про путешественников, который Кирилл как-то смотрел на канале «National Geographic».

ДЛЯ ТЕХ, КТО В ПУТИ

Первые упоминания о гостевых домах были обнаружены в знаменитом кодексе законов царя Вавилонии Хаммурапи (1700 г. до н. э.). **Государь обязывал хозяев таверн**, сдававших также комнаты для ночлега, **доносить на посетителей**, ведущих разговоры о властях. А самая разветвлённая сеть постоянных дворов была создана в Римской империи — **вдоль главных дорог на расстоянии 40 км** друг от друга располагались постоянные дворы, в постройке и управлении которыми участвовало государство. При этом поселение гостей происходило строго по классовому признаку — торговцы, купцы и путешественники не могли жить рядом с правительственными чиновниками. Постояльцам предлагались хранилище для вещей,

баня, массаж и стрижка, стирка и ремонт одежды, а также услуги кузнеца.

В это же время на Ближнем Востоке, в Азии и Закавказье, где проходили крупнейшие торговые пути, появились первые **караван-сарай** — места, где могли найти приют и отдых торговцы, их слуги и их животные. От гостиниц они отличались тем, что в караван-сараях не было утвари, только вода — путешественники должны были иметь с собой все припасы для себя и животных, а также постель и ковры.

Повсюду слонялись странного вида люди в халатах и тюрбанах, босиком и в меховых сапогах. В саду стояли шатры, крытые коврами и шкурами, а рядом с шатрами — обычные туристические палатки. На протянутых между деревьями верёвках сушились вперемешку сари, майки, простыни, тренировочные штаны и арабские платки в чёрно-белую клетку. Пахло едой, и табаком, и специями, и свежескошенной травой, и ещё чем-то одуряюще-пряным.

Самаила Георгиевича Кирилл нашёл в дальнем конце сада, рядом с кострищем, вокруг которого расположилась толпа африканцев — они жарили на углях мясо, пили кокосовое молоко, вставив соломинки прямо в огромные зелёные орехи, пели и танцевали под ритмичный барабанный бой...

— О, Кирилл приехал, — обрадовался профессор. — Это очень кстати. Мне сейчас просто необходима помощь. Видишь, сколько у нас гостей. И многие, видимо, задержатся надолго.

